

Коллективное дело — надолго

Галина ФРОЛОВА, заслуженный работник культуры РФ

Двадцать лет спустя

В село Верх-Ирмень Ордынского района Новосибирской области собиралась я давно : лет двадцать назад довелось пережить здесь самую лютую гражданскую боль, с которой, вероятно, началось моё гражданское прозрение и окончательное освобождение из плена иллюзий.

Кровавый маховик Афганской войны тогда начинал набирать свои чудовищные обороты, мало кто в России понимал, что происходит на самом деле, учителя, журналисты, политработники твердили пламенно и в унисон: с Афганистаном нас связывает договор о дружбе и сотрудничестве, советские войска должны поддержать завоевания национально-демократической революции, свободу и независимость афганского народа. Лучшие наши мальчишки, выпускники тех лет, под воздействием пропаганды рвались, как им и было предписано, совершить подвиг, верные любимой песне — «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Отдавать землю (или хотя бы власть) крестьянам Афганистана никто не спешил, а вот отдавать жизни всё новых своих сыновей России пришлось целых десять лет.

Я изучала письма с войны в музее Новосибирского высшего военно-политического училища, когда туда пришло сообщение: выпускнику училища Александру Демакову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Гражданская панихида и похороны состоятся в его родном селе Верх-Ирмень. И началось: митинги, речи, газеты, телевиденье, радио выдавали патриотическую продукцию высшего качества. Сама я раньше писала такие же очерки. Но за те несколько дней, пока готовилась официальная кампания, мне удалось поговорить с однополчанами Саши, прочитать его письма к маме, Фаине Егоровне, выслушать горькие откровения молодых политработников на тему «всё врут газеты про афганскую войну, правду не пишет никто». Правда же была страшна своей обыденностью: молодой романтизм вытеснялся чувством обречённости и желанием спасти себя и своих товарищей. Безудержная отвага Саши, известная всем в Верх-Ирмени, обнаруживалась главным образом тогда, когда надо было постоять за товарищей. Он рос единственным ребёнком в совсем не дружной и не счастливой семье. Может, поэтому слова «друг» и «мама» были для него одинаково святы. Приятелем его в школьные годы был талантливый ребячий организатор, поэт и гитарист, турист и романтик Володя Орешек. Вступая в комсомол, Саша в заявлении так объяснил причину своего выбора: «Хочу быть похожим на Володю Орешка». Был тут, конечно, и юношеский протест против формализма: учителя требовали, чтоб все равнялись на Павку Корчагина и Александра Матросова, а Саша больше, чем литературных героев, любил своего друга. Очень сочувствовал Володе, что того по здоровью не приняли в военное училище, но одобрял его решение стать педагогом. Верил, что его таланта «на всю педагогику хватит». Точно так же умел поддержать каждого солдата, у самого у него был дар психолога. Или незаурядный дар дружбы? «Нет уз святее товарищества» — это заповедь была для него посильнее остальных. И когда его группа при обходе мирного селения попала в засаду и ввязалась в бой, они могли бы отойти все вместе — силы были очень неравны. Но был риск для всех. И Саша взял его на себя одного, приказав остальным отходить немедленно: « Я прикрою». Это был бой, почти такой же, как при Фермопилах, но он не вошёл в историю: она писалась в других кабинетах. Саша отстреливался, сколько мог, а затем, собрав вокруг себя наибольшее число противников, подорвал всех — и себя. Боевой орденом, к которому он был представлен за год до этого боя, так и не нашёл его при жизни.

Там много было странного и страшного, но особенно врезались в память бледные лица учителей, читавших свои прощальные слова на панихиде по бумажке: цензором всё было

выверено. Запомнился и крупный областной чиновник, вручавший матери Золотую Звезду Саши. Он был почти разгневан: Фаина Егоровна не стала говорить по бумажке для телевидения, никакой признательности за награду не выразила, а сказала «совершенно возмутительные слова» о том, что хотела бы получить вместо награды своего живого сыночка. Садясь в машину рядом со мною, чиновник возмущался «Вот что бывает, когда рожают одного ребёнка!» Для них для всех это был «воспитательный момент». Стал он воспитательным и для меня — в противоположном направлении. Словно внутреннее зрение открылось. Я увидела стеснённость и убогость быта, из которого Саша, мечтая о нормальной жизни, вырвался в военное училище, в город. Родной дом его — ветхая избушка на курьих ножках, не заваливалась лишь по милости случая. Кормил семью огород — мамина зарплата страхового агента была ничтожно мала. Новую жизнь Саше могли дать только новые знания — к ним он и рвался. Даже в письмах из Афганистана рассказывал маме какие замечательные купил книги — «дома-то их не достать». Удивительно светлые, мужественные и нежные писал он ей письма: « Не бойся сообщать мне обо всём, кому же ты ещё и расскажешь, как не мне». А письма невесте, бывшей однокласснице, это светящийся пласт поэзии. Подружка его стала вдовой, не успев стать женою. Двадцать лет назад я сказала ей над раскрытой могилой «Никому не отдавайте этих писем». И вот теперь ехала в Верх-Ирмень, чтобы увидеть, какую там стала жизнь без Саши. Жизнь сельской средней школы имени Героя Советского Союза Александра Демакова, директором которой стал Владимир Орешек. Тот, которого Саша ставил рядом с Павкой Корчагиным. А жизнь поставила Володю на место Саши: по сути стал он сыном Фаине Егоровне, стал мужем сашинной невесты и сына собственного — единственно-го- назвал Александром. Мальчик в разговорах сдержан, но с компьютером и футболом — азартен. Стоял на воротах, бросился под ноги нападающему — удар сокрушительной силы пришёлся ему по локтю. Ходит теперь загипсованный на уроки, на все школьные «придумки», хлопочет по хозяйству. Принёс в школу нелёгкую мою дорожную сумку. «Неудобно левой рукой» — пытаюсь протестовать. «Вот и хорошо — отвечает отец — левая разовьётся замечательно. Наш педагогический принцип — создать оптимальные условия для развития. Конечно, чтоб было безопасно и ребёнку интересно». Потом я слышала это и от завучей, и от учителей — «не организовывать, а создавать условия, не поучать и зубрить, а создавать внутреннюю мотивацию». Впрочем, не столько слышала, сколько видела ежеминутно. И ежеминутно удивлялась. Всему — неужели сегодня это возможно?».

Светлый разум от доброй жизни

Агрофирма «Ирмень» сегодня — экономический феномен. Распространился он по России, никакие «забугорные» займы были бы не нужны. И не бежали бы наши юные гении в заморские страны, а — напротив — к нам бы ломились специалисты, как происходит это в селе Верх-Ирмень. В годы распада и разлада, как называют здесь конец восьмидесятых — начало девяностых, совхоз не разбежался, не отдал всё на разграбление авантюристам ради скорых и лёгких прибылей, а выдержал рыночные шторма, реорганизовался в акционерное общество под руководством дельного, честного и талантливого руководителя Юрия Федоровича Бугакова и занялся переработкой своих урожаев, надоев и привесов на основе современных итальянских и германских технологических линий. Племенной работой здесь занимаются совместно с американскими коллегами- вывели новую породу скота, за что получили Государственную премию. Вывели и свой сорт пшеницы. Молочные продукты и копчености фирмы «Ирмень» — вне конкуренции, из свежего молока, из парного мяса.

Но главное — социальная сфера: сотни современных коттеджей с максимумом комфорта и многоэтажные дома — для работников агрофирмы, два бесплатных рейсовых автобуса, собственный междугородний рейс, фантастический детский сад с бассейном и художественными мастерскими — оплата менее 100 рублей в месяц за ребёнка, собственная больница, школа, Дом культуры с современным дизайном, кафе, множество магазинов, конно-спортивная школа, собственный санаторий, отданный детям на все дни каникул. И т.д. При-

шлось бы целый очерк писать об экономическом возрождении села. Скажу словами своего знакомого писателя: «При социализме Юрий строил капитализм, а при капитализме — коммунизм». Два маленьких примера: в районном роддоме погибла молодая сотрудница «Ирмени», в тот же год фирма заключила договор с роддомом областной больницы и возит будущих мам только к самым лучшим врачам, рождаемость вот уже два года круто растёт, открыли дополнительную ясельную группу с санаторными условиями. Второй пример: было время, по всей области учителя полгода не получали зарплату, а Верх-Ирменской школе её выплачивала агрофирма, оформив взаимозачет с районной администрацией. Школе же только периодически агрофирма выписывает на 8 тысяч рублей. Агрофирма же оплачивает учёбу студентов в коммерческих вузах. Но последние годы всё больше выпускников поступает на бюджетные места, выдерживая самый высокий конкурс. Этой осенью, например, выпускники сельской Верх-Ирменской на конкурсной основе стали студентами НГУ по самым престижным специальностям — журналиста, экономиста, юриста. Они отказались от контракта, но собираются вернуться на село: «Здесь работа есть и будет всем», — говорит Бугаков. И это правда: растёт приток беженцев из Казахстана, Узбекистана, других республик и даже переселенцев из городов России. Фирме требуются всё новые специалисты с высшим и специальным образованием. Я спрашивала новосёлов «Что привлекло вас?», отвечают, как правило — жильё, прекрасная школа, благоустройство и безопасность. Если учесть, что треть семей имеет собственные машины, а фирма — собственные автобусы, можно представить интенсивность общения с новосибирскими вузами, театрами, друзьями. Впрочем, все они предпочитают сами появляться в селе — уж очень гостеприимно здесь встречают, особенно детей. Верх-Ирменская школа стала центром многих культурных и социальных акций не только сельского, районного масштабов, но и областного, регионального, даже российского — например, традиционного фестиваля «Человек с гитарой» или экспедиции «Поиск». И всё это не какие-то министерские или академические программы, а коллективные творческие дела школьной эскадры «Альтруист». Что за эскадра может быть в сухопутном сердце Сибири? Ну, во-первых, недалеко от Верх-Ирмени разлилось Обское море, да и сама бабушка-Обь близко. Во-вторых, подразумевается плаванье по житейскому морю, поэтому эскадра объединяет уже более 100 экипажей детей и взрослых, сменяющих друг друга в классах, но продолжающих совместное плаванье. Мне посчастливилось повстречаться с членами экипажа «Аве Мария», сформированного лет десять назад и верного Уставу «Альтруиста». Теперь бывшие юнги и матросы стали учителями, экономистами, зоотехниками, программистами, ведущими специалистами агрофирмы, депутатами разных Советов, но по пятницам они чаще всего встречаются в школе, теперь уже в качестве капитанов — наставников или членов общешкольного Совета, чтобы сверять курс эскадры и обеспечивать её поступательное движение к жизни нравственной, справедливой, доброй.

Собственный опыт, свобода, творчество

Гостей в школе встречают дети — дежурный экипаж, вахтенный. Запишут в вахтенный журнал твои позывные и цель приезда, проводят к директору, в столовую, где сами хозяйничают и ведут учёт, в любой кабинет или зал, предварительно обговорив режим работы — Дежурный экипаж обеспечивает жизнедеятельность школы: насорил — убери, сломал — исправь, прибай, покрась. Работа столовой, туалетов, водопровода, компьютеров, радиоузла, проветривание кабинетов и отдых на перемене — они знают, как всё это организовать без конфликтов и потасовок, без фискальства и чванства. Как этому учат? «Сначала делаю всё сама, потом делают они вместе со мною, потом наступает время, когда они делают всё сами — могут вести урок, шлюпочный поход, конкурс знатоков или уборку урожая» — рассказала мне классный руководитель пятиклашек, которым ещё предстояло посвящение в нахимовцы. Интересное наблюдение: когда делают что-то вместе с учителем, например, игрушки для детского сада или сувениры для учителей-ветеранов ко Дню пожилых людей, подражают невольно педагогу, когда действуют свободно, самостоятельно, поражают изобретательно-

стью, предприимчивостью, взаимовыручкой. В программе «День учителя» старшие экипажи проводят в школе «День дублёра». И уроки, и педсовет превращаются в многофункциональное интегрированное действие — событие, освещающее жизнь блеском мысли, яркого чувства, таланта. Например, для урока литературы старшеклассница выбрала тему «Неизвестная русская поэзия второй половины XX века», начала её стихами подруги, затем объявила, что настоящие поэты сидят рядом с нами — и зазвучали стихи одноклассников, учителей, директора. Сам директор, кажется мне, пишет стихи по десятку за день, подозреваю, что он и думает стихами. Его пожелание «А мне, грешным делом, хотелось бы, чтоб все люди писали стихи» в школе реализовалось: литературная гостиная и студия авторской песни вместе с ежегодным фестивалем «Человек с гитарой» создали здесь гуманитарные традиции, гуманитарную среду, которой в селе раньше не было.

Собственно, новую среду создала новая школа. Мне посчастливилось побывать на уроке истории Татьяны Александровны Шушаро, где дети много и разнообразно работали самостоятельно, использовали методы самооценки и коллективной оценки. Но не столько обилие свободно используемых источников, хорошая логика и общая культура детей меня порадовали, сколько удивительная для подростков объективность и ответственность при ярко выраженной доброжелательности и желании помочь товарищу. Чувство товарищества здесь проявляется прежде всего в ответственности за другого человека. Я замечала это во всём. В переживаниях третьеклашек за Сашу, родители которого пьют, а он не хочет уезжать в детский дом. Ему предлагали ночлег, дарили игрушки, обустроивали его жизнь в продлёнке. Старшеклассницы, работавшие летом вожатыми в пришкольном лагере, принимавшем гостей из кадетского корпуса, обсуждали возможность пригласить к себе на осенние каникулы кадетов — сирот. Пятиклассники сами вызвались помочь своим шефам из девятого убрать урожай картофеля.

Наша творческая ролевая игра «Эскадра «Альтруист» в океане знаний» задумывалась когда-то ради романтизации образовательного процесса, чтобы осуществить идею сотрудничества, прав и свобод человека, идею толерантности и демократизации отношений всех участников образовательного процесса, рассказывает заместитель директора по учебно-воспитательной работе Татьяна Александровна Шушаро, но со временем «Альтруист» стал основой всей детской жизни.

Секрет прост: «Альтруист» воспитал на методике Иванова, усовершенствованной и адаптированной «во времени и пространстве». Две трети педагогического коллектива этой школы сегодня составляют бывшие юнги и гардемаринки, ставшие капитанами — наставниками. Их экипаж именуется «Флагман» и подчиняется, как все, Уставу, традициям и планам эскадры, возглавляемой Адмиральским советом. Школьные документы вместе с директором и его заместителями подписывает ежегодно избираемый тайным голосованием президент эскадры «Альтруист». И это не простая формальность, а принятая на себя ответственность.

Многодневные водные походы на байдарках, горные походы по Южному Уралу и Саянам, велосипедный пробег «Москва-Минск» по местам боевой славы сибиряков, розыск без вести пропавших героев и захоронение их под Ленинградом — всё это и многое другое реализовалось безопасно и успешно, потому что подкреплено самостоятельностью и ответственностью детей, воспитанной в условиях свободного социального творчества в школе. Об этом надо бы писать пособие для студентов педагогических вузов, в статье даже назвать всех дел и программ невозможно. Но приведу хотя бы список «друзей — партнёров», с которыми сотрудничает «Альтруист»: Совет ветеранов Афганской войны, кадетский корпус, Новосибирский военный институт, московский клуб «Отчизна», образовательное объединение «Пеликан» в Бердске, педагогическое объединение «Магистр», туристический клуб «Нодья», знаменитая новосибирская 10-я гимназия, НГУ и НГТУ, и, конечно, фирма «Ирмень» — главный полигон социализации личности. Сотрудничество организуют сами экипажи (каждый класс — экипаж с названием не повторяющимся, сохраняющимся на всю жизнь, которая не завершается выпускным балом) и Адмиральский Совет. Сотрудничество не эпизодическое, а долгосрочное, скрепленное договором, совместным проектом и крупномасштабным

коллективным творческим делом. С участием гимназии, например, проходит «весенняя школа» в городе для учителей и старшеклассников по информационным технологиям, с кадетским корпусом — совместный лагерь и военно-патриотические акции. Стоило моей фамилии попасть в вахтенный журнал, как представители разных эскадр стали настойчиво приглашать меня для беседы или для интервью, не испрашивая на то разрешения у руководителей школы: гостя заполучит тот, кто проявит больше предприимчивости и сообразительности. Поздним вечером у меня была увлекательнейшая беседа с участниками литературной гостиной, готовившими празднование пушкинского лица (и здесь главной была святая тема дружбы и товарищества). На следующий день меня атаковала студия авторской песни, затем гуманитарный класс с его каверзными вопросами, а по возвращении настойчиво трезвонил домашний телефон: «Устройте старшеклассникам экскурсию по университету и Академгородку». И так эскадра использует все свои «знакомства»: побывав в этой школе однажды, нельзя не стать её другом, потому что даже в условиях дикого рынка и международного терроризма, усиленного цинизмом СМИ, не могут совестливого человека не привлекать идеи альтруизма и созидания, благородства и товарищества.

Кстати, о благородстве: скульптурный портрет Саши Демакова, самое ценное и любимое, что было в школе, на общем собрании эскадры решили подарить Академгородку — здесь вокруг Военного Института выстроили прекрасные микрорайоны, объединённые новой улицей — имени Александра Демакова. Открывает её произведение искусства — памятник Герою. Это свидетельство того, что жизнь была и будет богата талантами и духовностью всё новых поколений.

В тетради учительницы литературы нашла я запись «Да насладится сердце твоё беседы моя» — цитата из рукописи, прочитанной ею по компьютеру в научной библиотеке СО РАН. На этой извечной ценности и держится педагогика Верх-Ирменской школы, педагогика радости и сотрудничества, преобразившая жизнь всего села.